

Белая собака

НАВЕРНО, нет в округе человека, который бы не знал бабушку Жантай из нашей деревни. У неё постоянно толпились люди. Если у околицы показывалась какая-нибудь чужая машина или путник с рюкзаком за плечами, будьте уверены, они направлялись к бабушке Жантай. Я сам сколько раз указывал им дорогу к ней: от мечети подняться к кладбищу, а там с краю стоял дом под соломенной крышей. Эта крыша – единственная такая в деревне была. Там жила бабушка Жантай. Если приезжий оказывался непонятливым, приходилось объяснять подробнее. Мол, дом старухи Жантай под соломенной крышей – через два дома после учителя Хазята... А узнать дом Хазята было нетрудно – под скатом крыши и весной, и осенью висело красное знамя. Красноты-то в нём – кот заплакал, выгорел под ветрами, цвет его стал непонятным, но можно абсолютно не сомневаться, что коммунист Хазят ничего, кроме красного знамени, повесить не мог. Конечно, украшать наполовину ушедшую в землю неказистую избушку знаменем – это всё равно, что кривоногой девушке надеть брюки в обтяжку, но что поделывать, брат, такие уж люди у нас живут.

Сказать по правде, я бабушку Жантай никогда не видел, да и кто из наших,

интересно, когда-нибудь её видал? Говорят, несколько лет назад с нею разговаривал наш председатель, Равиль Галыч. Бабушкина соломенная крыша уже давно была для него как бельмо на глазу. И однажды он постучался в дверь старухи. Но не успел переступить порог и открыть рот, как старушка сама заговорила: «Намерения у тебя хорошие, сынок, как тебя там... Но я всегда жила под соломенной крышей и в конце своей жизни не стану менять её на железную. Дай Аллах тебе здоровья, поскольку вскоре ожидает тебя казённый дом...» – «Твоя избушка всю картину портит; если мы её подремнтируем да жестью покроем, она же улыбаться начнёт!..» – пытался гнуть своё Равиль Галыч. Но и старуха оказалась упрямой – шамкает своим беззубым ртом и стоит насмерть: «Через железо солнце не входит в мою душу».

Так и сказала, ей-богу! Если обманываю, то век мне счастья не видать! От настоящей железной крыши отказалась, безумная старуха!

И всё-таки Равиль Галыч ушёл от неё окрылённый. За несколько дней до того ему показалось, что глава района делал ему какие-то намёки, значит, хочет взять к себе, подумал он теперь. А народ деревенский «казённый дом»

понял по-своему. Нашлись даже те, кто, поняв это по-своему, начали исподтишка ухмыляться. Немного забегаю вперёд, скажу: в этом вопросе обе стороны оказались правы. Сначала Равиль Галыч занял в районе большую должность, а чуть погода его перевели в то

самое место, которое в народе называют «казённым домом».

В дом к бабке Жантай шли не только днём, но и ночью. И как только у неё хватало на всех заклинаний! Только станут ли из-за каких-то там заговоров пускаться в такой дальний путь те, кто

приезжал сюда под покровом ночи? Говорят, старуха ещё умела делать любовные привороты и наводить порчу. Любовь – это одно, но если она порчу умела наводить, то плохо дело. Вот моя жена, например, и так настоящая ведьма, а если ещё бабка Жантай руку приложит, то мне осталось бы только бежать из деревни.

Поэтому-то наши местные побаивались старухи. От колдовства лучше держаться подальше. Впрочем, есть и те, кто завидовал. Сколько людей к ней приезжали – и ведь не с пустыми руками. Сынок Минзука, прохвост, вернулся из тюрьмы и вон что удумал. Уселся у старухиной калитки и обложил приезжих налогом: «Я – бабкин секретарь, вход – десять рублей». Однако долго ему сидеть не пришлось, на следующий же день обе его руки почему-то отнялись и повисли, словно флаг на избе Хазята. Говорят, что теперь даже по малой нужде он ходит в сопровождении матери.

Никто не знает, сколько бабке Жантай было лет. Наверно, она и сама этого не помнила. Моя бабушка говорила: «Когда мы ещё были несмышлёными девчонками, Жантай уже была старухой». Очень даже вероятно, бедняга просто не могла умереть. Женщины знают, что говорят. Но самое страшное в этой истории то, что ночью, будто бы, эта старуха превращалась в белую собаку и рыскала по улицам в поисках какой-нибудь женщины. Говорят, что если собаке удастся прошмыгнуть у женщины между ног, то Жантай смогла бы спокойно отдать богу душу, а её бессмертие и колдовство перешли б к той несчастной, которая в неподходящее время вздумала расставлять ноги там, где не следует.

Конечно, не все верили в это. Особенно злится сосед старухи, Хазят. «Дурман, да и только! – ругался он. – Вы же строители коммунизма, а забиваете себе голову всякой чушью!» Но однажды, говорят, он сам заглянул к старухе Жантай и начал исподволь расспрашивать: мол, когда родилась, видела ли первых коммунистов де-

ревни? А бабулька ответила: «Перед началом хранцузской войны меня соватали сыну старосты». В глазах у Хазята помутилось, но виду он не подал и продолжал расспрашивать: «Не знаешь, когда появилась наша деревня?» А вечная старушка невозмутимо в ответ: «Наши с мурзой Енакаем ходили брать Казань». После этого Хазят махнул на неё рукой и ушёл – старуха, мол, совсем помешалась.

Но ведь есть люди, которые встречали ночью в деревне белую собаку. Доярка Джамия рассказывала: «Шла я с утра затемно на ферму и вдруг, откуда ни возьмись, эта белая собака, будь она проклята! У меня аж ноги подкосились, и я как куль шлёпнулась на землю. Она молнией пронеслась мимо...»

Вообще-то радуется, что Джамия во время села на землю, а то, если, не дай Всевышний, эта сварливая баба стала бессмертной, у нас тут никому жить не было бы. А что касается бабки Жантай, пусть она не то что в белую собаку, а хоть в кого угодно превращается, жила-то она тихо, и вреда от неё никакого, если, конечно, кто-нибудь не вздумал бы её посетителей налогом обложить. Жила б себе хоть тысячу лет. Но, видно, ей и самой надоела эта вечная жизнь. Иначе не стала бы она каждую ночь бегать в собачьем обличье. Интересно вели себя и женщины: как бы ни хотелось им жить подольше, ни одна из них не рвалась заменить бабку Жантай. Впрочем, если ты с утра до вечера надрываешься, зарабатывая на хлеб насущный, не захочешь вечной жизни. К тому же и в собаку превращаться ночами тоже, наверно, не очень веселое занятие.

Но шила в мешке не утаить. Узнали-таки и в Казани о том, что в нашей деревне есть вечная старуха и что ночами она превращается в белую собаку и ищет женщину, которой могла бы передать своё колдовство. А в Казани какие только женщины не живут – не чета нашим. Если пообещать вечную жизнь, не то, что в собаку, в змею готовы превратиться – это ведь только на ночь!

И однажды в нашу деревню на невиданных машинах начали приезжать к ночи разные женщины. И не одни, а в сопровождении крепких мужиков, коротко стриженных, с бульдожьими лицами и толстыми золотыми цепями на шее. Мужчины в деревню не заходили, оставались за околицей, а женщины пешком направлялись в верхний конец, к дому бабушки Жантай. В сумерках то тут, то там можно было видеть женщин, стоявших с расставленными ногами. Но белой собаки, как на грех, не было видно. Или старушка уже смирилась со своим бессмертием, или не желала дарить свои колдовские способности чужакам.

Женщины были красивые, хорошо одетые... Мы наблюдали за ними сквозь щели в заборе. Даже вечно брешущие по ночам собаки, и те примолкали, поджав хвосты.

В ту ночь в небе над деревней носились свинцовые облака. Когда стемнело, ветер стих, всё погрузилось в напряжённую тишину. Ровно в полночь где-то на окраине деревни послышался хлопок, похожий на выстрел. Внезапно пошёл ливень, и тут же зарокотали моторы...

Утром я увидел бегущих по улице людей. «Белую собаку пристрелили!» – крикнул кто-то. И правда, возле ограды кладбища лежал труп белой собаки. На её лбу виднелась кровавая рана. Видно, кто-то из тех, кто заждался у кладбища свою алчущую вечной жизни подружку, не выдержал и пристрелил собаку. Мо-

жет, испугался её ночью, а может, подумал, что его жена уже превратилась в эту белую собаку.

Душа наполнилась щемящей грустью. В это время с кладбища выбежал какой-то мальчик лет четырёх-пяти и, бросившись к собаке, заплакал жалобным голосом, растирая лицо маленькими ладошками, испачканными в жёлтой глине.

Я не признал этого мальчика.

Бабку Жантай мы похоронили в тот же день. Люди судачили всякое, поскольку у неё на лбу тоже была маленькая красная ранка. Я не очень-то поверил этому, сами знаете, женщины любят присочинить.

Вечером приехал бульдозер и столкнул в кладбищенский овраг старухину избу под соломенной крышей. А на месте бывшего дома потом ещё долго копались мальчишки. Они ведь, известное дело, везде ищут клад. Золота они, конечно, не нашли, зато насобирали всякой всячины – обломок сабли, наконечники стрел, глиняные черепки, пожелтевшие листки бумаги. Говорили, что на этих листках были древние письма, да и те полустёртые. Так что прочитать их было невозможно. И всё же учитель Хазят повёз одну из наиболее сохранившихся страниц в Казань. Большие учёные после долгих мучений смогли прочитать только несколько слов.

Там было написано: «Но если хочешь жить...»

1998

Тюбетейка для Ельцина

94

ВЕСТЬ о том, что приезжает Ельцин, распространилась по Казани с невероятной быстротой. На митингах, проводившихся каждую неделю, высказывались различные предположения по поводу предстоящего визита. Сколько ораторов сорвали голос, желая быть услышанными Ельциным. Старушки-татарки, повязав белые платки, собирались стайками и делились своими соображениями: «Говорят, этот самый Илсин будет уговаривать не отделяться от России». А молодёжь скандировала: «А-зат-лык!»

Немного погодя выяснилось, что в ходе поездки Ельцин предполагает встретиться и с писателями. Эту новость нам сообщил председатель Союза писателей Ринат Мухаммадиев. Правда, сначала мы не придали этой новости серьёзного значения, поскольку у Мухаммадиева была привычка в свои редкие наезды из Москвы мимоходом поражать нас сообщениями о том, что «вот, как-то с Горбачёвым поговорили» или «с Ельциным встречались».

Однако на сей раз смуглое лицо председателя Союза выглядело очень серьёзным, да и глаза смотрели как-то иначе. «Я сам включил в программу поездки встречу с писателями», — сказал он каким-то утробным голосом. Мы все уставились на него с глубоким уважением. Вот какой у нас председатель! С кем только не встречается, с кем только не беседует... Не знаю, как у других, но моя душа вознеслась, и волны какого-

то странного чувства (подобного тому, которое появляется при случайном прикосновении к тугой груди девушки) подкатили к горлу. Да и те, кто был рядом, почудилось, стали выше на голову. Окажется, не так уж малозначительно то место, которое мы занимаем в мире!

Теперь нужно было решить, о чём мы будем говорить с Ельциным, какие вопросы задавать. Не успел Амирхан Еники своим тихим голосом произнести по обыкновению «Башкортостан...», как все собравшиеся на правлении горячо заспорили о татарских землях, не вошедших в своё время в состав Татарстана.

— Говоят, что у Ленина на столе перед смертью лежала карта Татарстана, — начал авторитетным голосом профессор литературы. — Я думаю, это не случайно, видимо, он собирался расширять границы республики.

Еники многозначительно кашлянул, а из угла кто-то — молодой и невыдержанный! — громко засмеялся:

— А может быть, он хотел нас вообще ликвидировать...

Профессор, видимо, счёл для себя унижительным отвечать на такое кощунство, однако и монолога своего не продолжил, запал кончился.

Наконец разговор вошёл в русло. Старшие говорили долго и «со вкусом», молодёжь ёрзала, рылась в карманах, мяла сигареты, тщетно пытаясь попасть в поле зрения председательствующего... Через полтора часа вопросы, кото-

рые предполагалось задать Ельцину, всё-таки были определены.

Незаметно течение дней в сутололке города... Мой дед говаривал, что перед концом света один год станет как один день. Казань продолжала кипеть, на площадях собирался народ. На центральной площади татары с зелёными флагами требовали: «Суверенитет!», «Независимость!» А перед парком Горького называющие себя демократами (удивительно, до чего может измениться значение слова!) шовинистические группы пытались превратить Татарстан в Казанскую губернию.

Настал день приезда Ельцина. Был удивительно жаркий летний день. В тот день из мечети мы проводили в последний путь Баки Урманче. Великий художник ушёл в вечность. Понутив головы, грустно поднимаемся к Кремлю.

Лето действительно было очень жарким. Казалось, что и народ на улицах своим взбудораженным дыханием накаляет воздух. То ли из-за жары, то ли подражая Батулле, мы – четверо друзей – наголо обрили головы. Благодарю! Мы кидаемся к каждой встречной колонке, тысячи острых водяных иголок вонзаются в кожу, наслаждение пронизывает всё тело. Да, наши деды знали, что делали!

Мы кружили по городу в безумной надежде найти холодное пиво, а солнечные лучи, скользя по нашим блестящим макушкам, вонзались в расплавленный асфальт. Но, оказывается, не все, как мы, заботились только о своих физиологических потребностях. Группа из тридцати человек, размахивая зелёными флагами, прошествовала к зданию Союза писателей. Около Дома офицеров несколько толстух держали транспаранты: «Ельцин – наша последняя надежда!», «Россия и Ельцин едины!», «Ельцин – наш кормилец!»

Кормилец! Чёрт побери, как будто на московских улицах выращивают хлеб, откармливают скот...

Пива нигде не было. Мы повернули в сторону Союза писателей. Там уже собралось довольно много народу, на

кованные решётки ограды водружены флаги с полумесяцем, с зелёных полотнищ взывают лозунги: «Татарстан – не дойная корова России!» и т. п. Всё это написано на русском, видимо, авторы сочли необходимым, чтобы Ельцин сам понял наше состояние.

У парадного подъезда оживлённо. Может быть, ещё и потому этот день мне показался особенно торжественным, что дверь эта открывалась только в исключительных случаях, в остальное время она была изнутри заложена дубовой палкой.

Внутри очень похоже на потревоженный муравейник. По коридорам носятся писатели, журналисты, секретарши, какие-то незнакомые люди, короче, царит особый беспорядок, который возникает перед приходом гостей.

Мой рабочий кабинет находится на втором этаже. Пока поднимаюсь по узкой железной лестнице, мне вдруг представляется, что я на большом корабле, завязшем в болоте.

История этой узкой лестницы проста – до большевиков, когда дом ещё принадлежал буржуям, в этом крыле жила прислуга и горничные, для них был «чёрный» вход. А через зеркальную парадную дверь ходили хозяева и их гости. Сразу за нею вверх ведут мраморные ступени, застеленные толстыми мягкими коврами...

После революции в этом здании обосновались чекисты. О том, что у этих рыцарей революции «с холодным умом и горячим сердцем» были не очень чистые руки, уже много писали, я не знаток в этой области, возможно, профессор Литвин и писатель Аяз Гилязов когда-нибудь напишут об этом. Но даже нам, непосвящённым, известно, что эти «рыцари» (как и их предшественники) были равнодушны к роскоши и вообще ко всему «благородному». Они присвоили себе немало прекрасных зданий – кроме теперешнего дома писателей, ещё и дома, которые теперь в ведении композиторов, филармонии...

Готовя здание для переезда Союза писателей (до этого его последним хо-

зьяном была детская больница), мы как-то спустились в подвал и оторопели: в каменные стены были вмурованы железные наручники. Один из нас воскликнул:

– Смотрите, наручники! От Чека остались!

К сожалению, когда мы в следующий раз спустились в подвал, наручники уже исчезли. Кто-то их вырвал и унёс.

Говорят, что когда Баки Урманче узнал, в какой дом переезжают писатели, он невесело усмехнулся:

– Я знаю этот дом, особенно подвал. Надо будет сходить посмотреть.

Но он к нам так и не пришёл. Наверное, не захотел бередить тяжёлые воспоминания.

Скажите, какое отношение имеет история этого дома к Ельцину? По правде говоря, мне и самому не хотелось писать о тех страшных годах, да перо вот завело... И вот почему. Около узкой железной лестницы, прислонившись к стене, стояли два бесцветных молодых человека. У одного из них я попросил закурить и... тут же понял свою ошибку. Просить у них сигаретки не стоило, и вообще, следовало бы держаться от таких подальше.

Но, как бы там ни было, просьба была высказана. Тонкие губы парня на секунду скривились – улыбнулся, надо полагать, – но сигарету дал...

В середине восьмидесятых годов некто из отдела КГБ, занимающийся пишущей братией, довольно долго пытался нанять нас, молодых ребят, сексотами. Не знаю, добился он своей цели от других или нет... Изредка мы с ним встречаемся (он приносит в редакцию статьи о жертвах репрессий, благо, в его руках масса документов), но как-то неудобно спрашивать об этом. Впрочем, задавать такие вопросы смешно и бессмысленно. Да-а, на многих моих друзей они нагнали страху. Я о тех, кто, не без этого противного чувства отказался стать сексотом, более того, на другой же день обо всём рассказал своим друзьям...

Но были ведь, наверно, и те, кто согласился. Аплах им судья!

А сегодня к нам приедет человек, который открыто обещает уничтожить сложившуюся в течение десятилетий Систему. В самом ли деле это великая личность или это просто тёртый политикан, вытолкнутый случаем на поверхность? Что ни говори, но глаза всего мира сегодня прикованы к этому человеку.

Встреча должна была начаться в четыре, и мы с Зиннуром пошли вниз, в клуб Тукая. Увидев наши бритые головы, люди заулыбались, некоторые даже увидели в этом какую-то «политику». Мы не стали отвергать их предположений.

– За суверенитет, – сказал Зиннур.

– Специально... по случаю приезда Ельцина, – добавил я.

У татар даже бритая голова имеет политический смысл, и через десятилетия будто слышится угрожающий голос пуришкевичей:

– Куда лезешь, гололобый!

Около четырёх часов у парадной двери вспыхнул ужасный скандал. От яростного голоса Мансура Шигапова, работника аппарата Союза, задрожали портреты на стенах и посыпалась штукатурка.

– Где? Где? Идиоты!.. – ревел Шигапов. Его вопли напоминали стоны утопающего.

Представив себе террористов, напавших на Ельцина, я поспешил к нему. Любопытство – одно из самых сильных человеческих чувств. Шигапов схватил меня за грудки... Руки, как клещи, глаза лезут из орбит:

– Ркаил! Где? Где?

– Кто? Ельцин?

– Жихан! Где Жихан?!

Ситуация постепенно прояснилась. Оказалось, что старушке-вахтёрше велели быть у парадной двери до четырёх часов, а ровно в четыре она заложила дверь дубовой палкой, заперла её на ключ и куда-то ушла. Вот-вот приедет Ельцин, а парадная заперта. Я с сочувствием смотрел на Шигапова. Взвоешь тут! Такие проколы не прощаются. Не поведёшь же Ельцина через «задний проход», где раньше ходила прислуга

да кучеры, а теперь татарские писатели?!

А старушке Жихан что?! Она человек сталинской эпохи, приучена к точности. Сказано было до четырёх часов, ровно в четыре она эту парадную дверь и заперла. Какое ей дело до того, что Ельцин опаздывает?!

Наконец Жихан нашли. Шигапов, подобно танку, пошёл на неё.

– Где ты ходишь?! Я тут посидел весь... Ё-о-о...

Но вахтёра таким приступом не возьмёшь, она из Заказанья, вкусившего сполна всех прелестей правления русских царей.

— Не ори! – отрезала она. – Придёт ваш Ельцин, никуда не денется.

Верноподданный Шигапов на мгновение застыл с открытым ртом, но ничего не возразил, он хорошо знал, что с вахтёрами спорить бесполезно.

Прошло ещё полчаса, а Ельцина всё не было.

Но, вот она, долгожданная минута! В зале клуба оглушительные аплодисменты, восхищённые возгласы, задние ряды встают, через мгновение весь зал уже стоит. Батулла поставил магнитофон на сцену и громко ведёт репортаж для будущих поколений.

Ельцин твёрдой походкой проходит на сцену. За ним появились Шаймиев, Сабиров, Мухаммадиев. Первый секретарь рескома Идиатуллин остался у дверей, в президиуме для него не оказалось места. Ах, времена!..

– Народ у вас очень эмоциональный, – говорит Ельцин, поднявшись на сцену. – Чуть не оторвали рукав у пиджака.

Зал рассмеялся, все свободно вздохнули – вот какой Ельцин простой, наш человек! Восхищённые взгляды, торопливый обмен первыми впечатлениями... А в это время на сцене Ельцин снял и повесил на спинку стула свой избежавший растерзания пиджак, ослабил галстук. Его примеру последовали Сабиров и Мухаммадиев. Только Шаймиев будто сросся со своим чёрным пиджаком... Пока Мухаммадиев произносит вступительную речь, я не свожу

глаз с Ельцина. Его взгляд скользит по нашим бритым головам и переходит на блестящую макушку сидящего возле самой сцены Батуллы. На лице гостя написано удивление.

У него не очень привлекательная внешность. Небольшие глаза, одутловатое лицо, сжатые губы вызывают в душе настороженность и отчуждение. Это чувство усилилось после того, когда я обнаружил отсутствие на одной руке двух пальцев. Мне почудились тёмные пермские леса, глухие тропы, сверкающий остриём топор. У такого человека не следует путаться под ногами, для достижения своей цели он ни перед чем не остановится. Дикая, необузданная сила!

Разумеется, предсказания в политике – несерьёзное занятие. Просто я хотел нарисовать портрет Ельцина, но для этого, видимо, нужен особый талант. Говорят, что однажды Куприн, якобы для того, чтобы поговорить о выпуске какого-то журнала, специально побывал у Ленина и позже создал удивительно точный его портрет. Он заметил, что красноватые глаза Ленина были похожи на глаза лемура. Увы, я так не могу, тем более с расстояния в три-четыре метра.

Пока я удовлетворял свой писательский зуд, Ельцин уже взял слово и увлечённо рассказывал о Китае, об успехах там, достигнутых в результате реформ, о преимуществах введения на Дальнем Востоке зон свободного предпринимательства.

Зал заволновался. Многие из сидящих здесь не приучены мыслить так масштабно. Конечно, Ельцин мастер рассказывать, его интеллект способен охватить всю Россию, но почему он ушёл так далеко, почему разговор крутится где-то вокруг Татарского пролива?

Нетерпеливая Байрамова не выдержала, и, воспользовавшись паузой, поддала голос:

– Мы пришли не о Китае слушать, у нас своих проблем по горло! Давайте поближе к ним...

Лицо российского лидера покраснело, в глазах вспыхнули и погасли недобрые огоньки. Ясно – он не привык

к тому, чтобы его перебивали. Но он взял себя в руки и после некоторого молчания сказал:

– Давайте не будем поддаваться эмоциям, товарищи. Давайте говорить спокойно и конструктивно. Я уже несколько дней в Татарии, впечатлений, конечно, много... До приезда сюда я немного ознакомился с татарской культурой. Вот и Союз писателей... Не зря же он был создан в 1934 году одним из первых. А сейчас является одной из самых больших организаций в стране и объединяет 200 человек писателей. Татарская культура признана во всём мире и снискала себе уважение...

Зал снова шумно захлопал, а на Байрамову кто-то зашипел, мол, не надо прерывать такого человека.

Я оглянулся. От обилия восторженных взглядов, направленных на сцену, закружилась голова. Ощущение сопричастности ко всему происходящему тёплой волной обволокло и меня. Общая эйфория проникла внутрь, мягкими ладонями охватила сердце, я даже почувствовал, как сзади вырос лохматый хвост, и непреодолимо захотелось помахать им.

Не случайно перед отъездом из Казани Ельцин сказал, что здесь он встречал только тёплые взгляды. У нашего народа, и в самом деле, широкая, приветливая натура. Это не отнимешь.

Тот факт, что перед приездом сюда Ельцин ознакомился с нашей культурой, конечно, подкупал. Ознакомился! Не пожалел времени, даже знает, сколько членов в Союзе писателей! Однако я тогда понял, что он далёк от литературы, философии, искусства. И не просто далёк – он к ним совершенно равнодушен. Возможно, главное различие между Ельциным и Горбачёвым состоит именно в этом. Начитанность Горбачёва, его уважение к работникам пера несомненны, он периодически встречался с писателями, да и говорить старался образно. Потому-то «простой» народ сразу отнёсся к нему настороженно. Россия вообще всегда любила правителей жёстких, бесцеремонных, говорящих прямо в лоб, вроде Ельцина.

Ельцин – типичная политическая фигура нашего общества, поэтому его нельзя ни в чём винить. У него не было, видимо, времени читать художественную литературу (в годы студенчества был спортсменом, затем строителем, партийным функционером), да он и не считал это нужным. Для того чтобы попасть в верхние эшелоны власти, вовсе не обязательно было быть эрудированным, это даже мешало. А Горбачёв – исключение, и таковым он стал, видимо, под влиянием Раисы.

Вы только подумайте! Запросто пишу о крупных государственных руководителях, сравниваю, делаю какие-то выводы... В татарской прозе, публицистике самым «высокопоставленным» персонажем выступал секретарь райкома, да и тот был непременно положительным героем. Я уж тут совсем разошёлся. А причина в том, что Ельцин приехал к нам, на периферию, и татарам суждено было увидеть румяное лицо московского самодержца. Как же можно не писать об этом? В Казани русские цари – редкие гости, их можно сосчитать по пальцам: Иван Грозный, Пётр I, Екатерина II, Хрущёв, Троцкий... Ленин не в счёт, в Казани он был ещё неизвестным студентом. Визиты царей в Казань до Хрущёва в русских источниках подробно описаны, а татарские писатели почему-то не придавали им особого значения. Видимо, считали естественным желание падких до путешествий русских людей увидеть Казань.

А Хрущёва встречали уже совсем по-другому. Уцелевшие и дожившие до того дня две-три татарские газеты опубликовали огромные репортажи о том, как он ступил на казанскую землю. На них полноватая фигура Хрущёва с поросычьим лицом, за ним – Табеев, сгорбившийся и подогнувший колени, как будто желавший скрыть свой высокий рост. Торжественность, суматоха... Но, как ни странно, этот визит также не оставил следа в нашей литературе. Впрочем, причина ясна – писатель, конечно, летописец своей эпохи, но всё же не должен забывать, что он в этой системе – маленький человек: вот тебе

твой участочек, копайся там-то, не суйся куда не надо, иначе руки укоротят быстро. Наверху – таинственный мир, таинственные люди, там – власть.

О пребывании Хрущёва в Татарстане писатели вспомнили лишь в последние годы. Марсель Галиев написал большой рассказ о его приезде в Азнакаево. Оказывается, Хрущев в сопровождении большого эскорта проехал там, а Галиев это видел. И Мухаммет Магдеев, наконец, поделился своими чувствами: Хрущёв должен был приехать в университет, в список встречающих включили и Магдеева – видимо, он был тогда членом партбюро, – но, хотя они и прождали целый день, дорогой гость не счёл нужным посетить университет.

А Ельцин – человек другого времени, он посетил и Союз писателей, и университет. Конечно, это не потому, что он любил татарскую литературу или хотел увидеть старинный университет, просто Ельцин играл в демократа, и ему предстояло стать президентом, а для этого необходимо было создать положительное общественное мнение о себе. (Правда, на университетскую встречу многие не смогли попасть, а какие-то дельцы, продавая самодельные билеты, набили себе карманы немалой суммой. Так что нашлись дельцы, которые даже Ельцина превратили в бизнес.)

У демократии есть несомненные преимущества. Например, вот этот Ельцин сидит в трёх шагах от меня. И, странное дело, меня интересуют не его жесты, выражение лица, манера говорить, а прежде всего моё внутреннее состояние, мои чувства. В душе – какая-то каша: и волнение, и любопытство, и опасение, и какая-то радость... Хотим мы того или не хотим, но на власть имущих мы смотрим как-то иначе, другими глазами. Кажется, что от них исходит таинственная сила. Умом понимаем: ничего такого нет, только наши фантазии. Потеряв власть, он станет обыкновенным человеком, и мы будем стесняться тех чувств, которые раньше испытывали к нему, мы постараемся их забыть, а напоминания возбуждают лишь злость и чувство унижения.

Власть и поэт... О взаимоотношениях между ними много передумано и сказано. Властители всегда старались приручить поэтов и нередко добивались успеха – сколько бы ни старались поэты представить себя независимыми, свободными от паутины власти, большинство, тем не менее, служило этому монстру, и сейчас служит, получает награды. Конечно, есть и те, кто, выступив против власти, выбрал себе трудную судьбу. Для этого нужен был не только талант, но и удивительная смелость. Любопытно, что каждый поэт перед чистым листом бумаги чувствует себя царём. И в душе самого преданного власти слуги живёт тайная оппозиционность. Поэтому и власть имущие никому из них не верят и не выпускают из поля зрения.

Далеко ли ушли те времена, когда какой-нибудь сопливый инструктор из обкома учил нас тому, как нужно писать. А уж если приезжал сам секретарь обкома, то его визит воспринимался как незабываемое событие – бурные рукоплескания, преданные взгляды... На тех собраниях я понял, как таинственна и волшебна власть, и как она далека. Даже тогда, когда до неё, казалось бы, рукой подать.

По мере того, как убеждаешь себя в том, что ты маленький человек, власть становится всё более необъятной глазу, начинает закрывать горизонт и кажется, что она сейчас тебя раздавит. А между тем власть в Казани – это лишь пародия, бледная тень того, что называется властью в Москве. Возможно, чувствуя это, «наша» власть так надулась и постаралась пригнуть писателей к земле.

На посту секретаря обкома обычно сидели долго, влиятельности и могущества – бездна, когда секретарь приезжал к писателям, к нему спешили поздороваться, дрожащими руками протягивали свои только что вышедшие книги с автографами. Неужели они думали, что он прочитает? А ведь брал и «спасибо» говорил, и не забывал прихватить с собой. Но когда эта «шишка» уходила с должности, книги с автографами появлялись в букинистических магазинах...

Сейчас героев много – тех, кто кричит, что они и тогда были свободными. Я – свободен не был. Я увлеченно слушал полуторачасовое выступление секретаря обкома (без бумажки!), потому что от этого человека исходила какая-то волшебная сила. Только спустя некоторое время понял, что к этому волшебству человек не имеет никакого отношения. Только власть делает пустое слово значимым, а глупца показывает умным.

Казанские чиновники, привыкшие каждое своё слово, движение соотносить с Москвой, и в своих взаимоотношениях с литературой и искусством не вышли за эти рамки. Как было во времена Сталина, – не знаю... Но нам известен его телефонный звонок в Казань, ночью, секретарю обкома. Из-за бессонницы тирана все крупное начальство в стране просиживало ночи в кабинетах. И вот часа в три ночи зазвонил телефон секретаря обкома, в трубке послышался глухой голос:

– Вы читали роман Баширова «Чэсть»?

Полусонный секретарь сначала хотел бросить трубку – какой Баширов в это время, какая честь? Но вот трубка снова ожила:

– Это Сталин говорит...

Представьте себе состояние секретаря в тот момент – язык прилип к нёбу, колени дрожат. Но, всё-таки собрав силы, обрёл дар речи:

– Здравствуйте, товарищ Сталин... Нет ещё, не успел, товарищ Сталин... Но обязательно...

– Жаль... Мы собираемся ему присудить Сталинскую премию...

И послышались короткие гудки.

Представляете себе, как изменилось отношение секретаря (который до того не то что Баширова, Тукая-то не знал) к татарской литературе!

Так, друг железнодорожников и великий «знаток» языка Сталин вошёл в историю как духовный наставник татарской литературы. Вообще, воспоминаний о том, что он любил литературу и много читал, осталось немало. Но эта любовь вовсе не помешала ему уничтожить сотни писателей, а может, даже помогла.

Для литературы опасны люди, которые в молодости писали стихи, но не смогли стать поэтами. А ведь когда Сталин ещё был Сосо, сам Чавчавадзе включил его стихи в грузинскую антологию.

Властителей, писавших стихи, в истории было немало. Великий Бабур, казанский хан Мухаммад-Амин, Сталин, Мао, в наше время – Андропов, Лукьянов (Осенев)... Не прибавляет ли соединение этих двух полюсов большей безжалостности и чудовищности делам и поступкам самодержца?

Отношение Хрущёва к литературе и искусству через некоторое время эхом отозвалось в Казани. Как же мог Табеев отстать от Хрущёва? Его гром и молнии пали на татарских писателей (ну не будет же он, в самом деле, критиковать Хариса Якупова, создававшего свои картины в жёстких рамках соцреализма). Собрав писателей, Табеев грохнул кулаком по столу:

– Иждивенцы вы! Нахлебники!

А «инженеры человеческих душ» сидели, опустив головы.

На одной из таких встреч Табеев набросился на Нурихана Фаттаха, громя его произведения (которые, надо сказать, он не читал). А потом сказал:

– В университетском общежитии мы жили с ним в одной комнате. Он и тогда был нелюдим, всегда держал тумбочку запертой.

Говорят, что на том собрании откуда-то из задних рядов Батулла подал голос:

– Значит, в комнате был вор...

Ну, может быть, не крикнул, а подумал...

Этот анекдот ясно показывает, насколько «развиты» в наших руководителях порядочность и нравственность.

Когда Усманов увидел, как тепло относится Горбачёв к представителям литературы и искусства, то несколько раз тоже встретился с писателями, часами говорил о заготовке мяса, яиц, о том, сколько центнеров с гектара снимают в Буинском районе. Конечно, каждый старается говорить о том, что хорошо знает.

Так что, когда приехал Ельцин, мы уже были ребята не промах – в зале

сидели писатели, испытывавшие на себе «целительное» воздействие «своих» государей.

...Наконец Ельцин закончил. Писателям была предоставлена возможность высказаться и задать вопросы.

Слово взял Батулла:

– Сегодня мы предали земле нашего великого художника Баки Урманче. Почтим его память минутой молчания...

Аудитория встала. Имя Урманче Ельцин тогда услышал впервые. Тогда он, может быть, даже подумал: вот мол, у них и художники есть.

– Наш бывший первый секретарь Усманов на XIX партконференции выступил с речью, направленной против вас, – продолжил Батулла. – Но татарский народ не имеет к этому никакого отношения. Мы вас уважаем. И вы не очень-то доверяйте нынешним руководителям, они тоже в любой момент могут вас обмануть.

Наивный Батулла, разве можно обмануть Москву?! Ельцину его выступление понравилось, и он, очень довольный, всё кивал головой: «Спасибо, спасибо».

Разумеется, большинство вопросов вертелось вокруг суверенитета Татарстана. Тогда и выяснилось, что многие из нас ждут решения о нашей независимости от Москвы. Будто московские дяди должны были преподнести её нам на блюдечке с голубой каёмочкой. Тогда Ельцин и произнёс свою знаменитую фразу:

– Возьмите столько суверенитета, сколько сможете проглотить.

Позже эта фраза была растиражирована в печати, «ушла в народ». Правда, потом, отвечая на упрёки своих сторонников, Ельцин выразил сожаление по поводу сказанных слов. Видимо, сначала он решил, что у татар желудок маловат, чтобы переварить суверенитет.

Мы шумно аплодировали, но понимание того, что давно отнятую свободу нельзя потребовать обратно, должно было прийти уже скоро.

Слово взял Шаймиев. И снова о своём: суверенитет не должен быть национальным, в Татарстане живут не только татары, но и русские, другие национальности. Нам нужно заботиться и об их интересах. Словно живущие в Татарстане сотни тысяч русских забыли свой язык и заговорили на-татарском...

Встреча закончилась. Мухаммадиев поблагодарил Ельцина и в память о встрече «возложил» на голову российского лидера татарскую тубетейку, приобретённую, кстати, в магазине «Подарки» за 35 рублей. Народ повалил из зала. Ельцин в тубетейке тоже поспешил к двери – впереди у него была встреча в университете. Перед Союзом писателей собрался народ, кто-то взалёб что-то говорил – настоящий митинг. Ельцин кое-как прошёл через толпу и, не садясь в машину, быстрым шагом направился к перекрёстку, к остановке 2-го трамвая. Подошёл трамвай, и Ельцин в тубетейке втиснулся в него. Демократ!

Писательская братия домой не спешила. Курили, обменивались впечатлениями.

Так закончился один из этапов борьбы за независимость. До принятия Декларации о суверенитете оставалось совсем немного времени.

Однако Ельцину, как выяснилось, не понравилось то, что Татарстан объявил о своей независимости. Россия нас не признала. Более того, на нашем пути к свободе Москва до сих пор ставит преграды. В команде Ельцина уже говорят о единой и неделимой России. Времена меняются, политика тоже.

А где теперь тубетейка? Не потерялась ли? И поместят ли её когда-нибудь в музей, как Казанскую Шапку Мономаха?

Говорят, что один старичок отправил в Москву телеграмму: «Ельцин, верни тубетейку, ты её не достоин!»

Не чудак ли! Кто и когда видел, чтоб отправленное в Москву когда-либо возвращалось в Казань?!

Ноябрь, 1991

Перевод Гаухар Хасановой